

Греки на вашу голову

<http://www.vanityfair.com/news/2010/10/greeks-bearing-bonds-201010>

14 июля, 2015 - 00:09

Статья Майкла Льюиса (Michael Lewis) "[Beware of Greeks Bearing Bonds](#)" была напечатана в журнале Vanity Fair за октябрь 2010 года. Статья эта про сегодняшнюю ситуацию в Греции, но ее надо читать как притчу и делать из нее некие «глобальные» выводы. Это уникальная, потрясающая статья-притча, имеющая прямое отношение ко многим странам мира.

Обет собственности

После часа полета на самолете, двух часов в такси, трех на ветхом пароме и затем еще четырех на автобусах, я прибыл в огромный уединенный монастырь. Этот кусочек земли, вдающийся в Эгейское море, походил на край света.

Я оказался здесь не ради церкви, а из-за денег. Цунами дешевого кредита, прокатившееся по планете между 2002 и 2007 годами, создало новую возможность для туризма: путешествия по местам финансовых катастроф. Этот кредит был не просто деньгами, это был соблазн. У общества появлялся шанс проявить такие черты своего характера, которым они не могли позволить себе дать волю в обычных условиях.

Целым странам говорили: «Свет погас, делайте, что хотите, и никто об этом не узнает». При этом в темноте все хотели действовать по-своему. Американцы хотели иметь дома гораздо большего размера, чем они могли себе позволить. Исландцы больше не хотели быть рыбаками, а решили стать инвестиционными банкирами. Немцы хотели быть еще большими немцами; ирландцы хотели перестать быть ирландцами. Всех этих обществ коснулось одно и то же, но все они отреагировали по-своему. Однако ни одна реакция не была такой своеобразной, как у греков: и чтобы понять, что это была за реакция, нужно мне было попасть в этот монастырь.

Я приехал в Афины за неделю до планировавшихся массовых беспорядков и через пару дней после того, как немецкие политики предложили греческому правительству продать несколько островов и, возможно, выставить на аукцион какие-нибудь древние руины для возврата долгов. Новому премьер-министру Греции, социалисту **Георгу Папандреу**, пришлось отрицать любые мысли о продаже островов.

Рейтинговое агентство Moody's только что понизило кредитный рейтинг Греции до уровня, который превратил ее правительственные облигации в мусор, и некоторые инвестиционные компании, которые владели ими, больше не могли, по юридическим причинам, ими владеть. Последующий сброс греческих облигаций на рынок был, в краткосрочной перспективе, не такой уж большой проблемой, потому что Международный валютный фонд и Европейский центральный банк договорились о предоставлении Греции – стране с населением 11 миллионов человек – кредита в размере до 145 млрд. долларов. В краткосрочной перспективе Грецию просто убрали со свободных финансовых рынков, и она стала протекторатом других государств. И это еще были сравнительно хорошие новости. Долгосрочная картина была намного более мрачной. Помимо непогашенных (и постоянно растущих) государственных долгов на 400 млрд. долларов США, греческие бухгалтеры только что узнали, что их правительство должно еще около 800 млрд. долларов в виде пенсий. В сумме эти долги составляют около 1,2 трлн. долларов, или более четверти миллиона долларов на каждого работающего грека. На фоне долгов в 1,2 трлн. долларов помощь в размере 145 млрд. долларов выглядела как красивый жест, но отнюдь не как не решение проблемы. И это только официальные данные, в действительности дела обстоят гораздо хуже. «Наши люди, войдя в курс дела, не могли поверить своим глазам, – рассказал мне чиновник из МВФ, – Их метод ведения финансового учета состоит в следующем: им известно, сколько они решили потратить, но никто не следил за тем, сколько они потратили на самом деле. Это даже не то, что сегодня называют развивающейся экономикой. Это страна третьего мира».

Оказалось, что, оставшись наедине с заемными деньгами, греки рассматривали свое правительство только как мешок, набитый невероятными суммами, и каждый из них хотел как можно глубже запустить в этот мешок свою лапу. Только за последнее десятилетие зарплаты греческих бюджетников удвоились – и это без учета взяток, взимаемых чиновниками.

Сегодня средняя зарплата греческого бюджетника почти втрое (!) больше зарплаты работника частного сектора. Объем продаж государственной железной дороги составляет 100 млн. евро, в то время как на зарплаты уходит 400 млн. евро, плюс 300 млн. евро на прочие расходы. И при этом, среднестатистический служащий железной дороги получает 65,000 евро в год! Еще двадцать лет назад **Стефанос Манос**, успешный бизнесмен, ставший министром финансов, отметил, что было бы дешевле пересадить всех пассажиров греческой железной дороги на такси. И это по-прежнему так. «Наша железная дорога – банкрот, – признался мне Манос. – И все равно в Греции нет *ни одной* частной компании с таким средним уровнем зарплаты».

Система государственных школ Греции – потрясающе неэффективна: несмотря на то, что она имеет один из худших уровней образования в Европе, нанимается вчетверо больше учителей на одного ученика, чем в лучшей в Европе системе – финской. При этом, греки, отправляющие своих детей в государственные школы, хорошо понимают, что им придется нанимать частных репетиторов для того, чтобы их дети что-то действительно знали.

Есть три государственных военно-промышленных компании: их совместная задолженность достигает миллиарды евро, а убытки постоянно растут. Пенсионный возраст для профессий, считающихся особо «тяжелыми», составляет в Греции 55 лет

для мужчин и 50 лет для женщин. И, когда государство раздавало щедрые пенсии направо и налево, то более шестисот (!) профессий подсустились, чтобы их классифицировали как «тяжелые»: парикмахеры, дикторы на радио, официанты, музыканты и так далее, и так далее, и так далее. Даже интересно: осталась ли в Греции хоть одна профессия, не успевшая стать «тяжелой»?

Затраты греческой государственной системы здравоохранения на оборудование намного превышают средние показатели в Европе – причем, как сказали мне несколько греков, для медсестры или врача считается нормой уходить с работы с полными руками бумажных полотенец и памперсов, и всего остального, что можно стащить со склада. **«Греки так и не научились платить налоги... потому что никого никогда за это не наказывали».**

Где кончается растрата и начинается воровство, практически не имеет значения; одно маскируется, и это дает возможность для другого. К примеру, общество считает нормой давать взятки правительственным чиновникам. Люди, идущие в государственную клинику, совершенно спокойно дают взятки врачам, чтобы те о них позаботились. Министры, которые провели всю жизнь на госслужбе, имеют особняки стоимостью в миллионы долларов и два-три загородных дома.

Как ни странно, финансистов в Греции мало в чем можно упрекнуть. Они так и остались сонными старыми коммерческими банкирами. Они едва ли не единственные европейские банкиры, кто не купил американские облигации, обеспеченные сомнительной ипотекой, они не жили полностью в кредит и не платили сами себе громадных сумм. Проблемой греческих банков стало то, что они одолжили около 30 млрд. евро своему родному греческому правительству – где их либо разворовали, либо растратили. В Греции экономику потопили не банки. Наоборот, греческие банки были потоплены коллективными усилиями всех греков.

Греки изобрели математику

На следующее утро после прибытия я пошел на встречу с греческим министром финансов, **Георгом Папаконстантину**, кому собственно и приходится разгрести этот невероятный хаос. У входа в Министерство финансов вас встречают несколько охранников – и при этом они даже не потрудились проверить, почему на вас сработал металлический детектор. В приемной министра шесть дам и все они составляют предстоящее расписание встреч. Они выглядят очень занятыми, обеспокоенными и переутомленными... и все-таки министр опаздывает. В целом кабинет выглядит так, как будто даже его лучшие времена были далеко не самыми лучшими. Мебель обшарпанная, на полу – линолеум. Больше всего здесь поражает количество сотрудников. Министр Папаконстину («Зовите меня просто Георг») закончил Нью-Йоркский университет и Лондонскую школу экономики в 1980-е годы, затем провел 10 лет, работая в Париже в Организации экономического сотрудничества и развития. Он открыт, дружелюбен, свеж лицом и чисто выбрит, и, как и многие из верхушки нового греческого правительства, больше похож не на грека, а на англичанина.

Когда Папаконстину пришел сюда в октябре прошлого года, греческое правительство прогнозировало дефицит бюджета в размере 3,7% на 2009 год. Две недели спустя эту цифру увеличили до 12,5%, а потом она превратилась в 14%. Ему надлежало разобраться и объяснить мировому сообществу, почему это так. «На второй день работы я созвал собрание для рассмотрения бюджета, – говорит он. – Тут-то

открытия и начались». Каждый день мы обнаруживали какую-нибудь невероятную оплошность. Задолженность по пенсиям на миллиарды долларов каждый год неизвестным образом оставалась неучтенной, и все притворялись, что ее не существует, даже несмотря на то, что правительство выплачивало ее; дыра в системе пенсионного обеспечения для индивидуальных предпринимателей была размером не в 300 млн евро, как они думали ранее, а 1,1 млрд евро, и так далее. «В конце каждого дня я говорил: «Хорошо, теперь-то все?» И они отвечали: «Да». На следующее утро из дальнего угла кабинета доносился слабый голосок: «Министр, тут еще не хватает 200 миллионов евро».

Так продолжалось неделю. Помимо всего прочего, оказалось, что существовало огромное количество внебалансовых программ по найму сотрудников. «Министр сельского хозяйства организовал неофициальное подразделение в количестве 270 человек для оцифровки фотографий греческих государственных земель, – рассказывает мне министр финансов. – Проблема заключалась в том, что никто из этих 270 человек никогда не работал с цифровой фотографией. По своим настоящим профессиям эти люди были, например, парикмахеры».

К последнему дню открытий, первоначально ожидаемый дефицит в 7 млрд. евро превысил 30 млрд. На закономерный вопрос – как это могло произойти? – ответ прост: до этого момента никто и не потрудился ничего подсчитывать. «У нас не было Бюджетного управления Конгресса, которое существует в США, – поясняет министр финансов. – Не существовало независимой службы статистики». Правящая партия просто рисовала красивые цифры для осуществления своих собственных целей. Как только министр финансов получил данные, он отправился на встречу с европейскими министрами финансов. «Когда я им назвал цифры, они только рты пораскрывали, – говорил он. – Как такое могло случиться? – Я сказал, что они должны были давно догадаться, что правительство Греции поставляет им неправильную статистику.

В конце разговора, министр финансов подчеркнул, что дело не просто в утаивании правительственных расходов. «Это случилось из-за плохой отчетности», – говорит он. – «В 2009 году налоги, по сути, не собирались, потому что это был год выборов». “Что?” Он улыбается. “Первое, что делает правительство в год выборов, это убирает налоговых инспекторов с улиц”. “Вы шутите?” Теперь он смеется надо мной. Я слишком наивен.

Налоговое братство

Расходы на содержание греческого правительства – это лишь половина уравнения: существует еще проблема правительственных расходов. Редактор одной из крупнейших греческих газет упомянул, что его корреспонденты поддерживали отношения с источниками внутри налоговой службы страны. Они делали это больше не для выявления налогового мошенничества – которое стало столь привычным в Греции, что на эту тему уже писать не интересно – а чтобы попытаться найти наркобаронов, похитителей людей и других темных личностей. Однако многие налоговые инспекторы недовольны систематической коррупцией в этой сфере. Как оказалось позже, двое из них хотели встретиться со мной. Проблема заключалась в том, что они, по причинам, которые оба из них наотрез отказались обсуждать, не выносили друг друга. Как мне много раз говорили другие греки, это очень по-гречески.

Вечером, после встречи с министром финансов, я выпил кофе с одним налоговым инспектором в одном отеле, затем прогулялся по улице и выпил пива с другим налоговым инспектором в другой гостинице. Оба уже были понижены в должности, потому что они сообщили руководству, что их коллеги брали крупные взятки в обмен на подтверждение мошеннических налоговых деклараций. За это оба были переведены со статусной оперативной работы на службу в операционном отделе, где они более не могли быть свидетелями налоговых преступлений.

Налоговый инспектор №1 пришел поговорить о том, как навести порядок в греческой налоговой службе. Он подтвердил, что единственными греками, платившими налоги, были те, кто никак не мог этого избежать: сотрудники корпораций, у которых налоги удерживают из зарплат. Громадное количество индивидуальных предпринимателей – а это практически каждый, от врачей до киоскеров, – уклонялись от налогов, и это одна из главных причин, почему в Греции самый большой процент индивидуальных предпринимателей в Европе. «Это стало национальной чертой, – признался он. – Греки не научились платить налоги. И они никогда этого не делали, потому что за это никого никогда не наказывали».

Масштаб налогового мошенничества в Греции потрясает: примерно две трети греческих врачей декларируют доход ниже 12 000 евро в год, поскольку такие доходы не облагаются налогом. Даже пластические хирурги, зарабатывающие миллионы в год, совсем не платят налогов. Проблема не в законе, который предусматривает ответственность в виде ареста за налоговое мошенничество свыше 150 000 евро, а в исполнении этого закона. «Если бы закон исполнялся – говорит налоговый инспектор – все доктора попали бы в тюрьму». Еще одной причиной безнаказанности является то, что в греческих судах требуется до 15 лет, чтобы рассмотреть уголовное дело. «Те, кого поймали, просто идут в суд». По словам инспектора, от 30 до 40% экономической деятельности страны, облагаемой налогом, проходит в теневом секторе. Для остальной Европы эта доля составляет 18%.

Самый простой способ избежать уплаты налогов – настаивать на оплате наличными и не предоставлять квитанцию при обслуживании. А самый простой способ отмывания денег – покупка недвижимости. Ведь в Греции, в отличие от других Европейских стран, нет национального земельного кадастра, что крайне удобно для черного рынка. «Вам придется выяснять, где человек купил землю, чтобы отследить его», – говорит инспектор. – «И даже если Вам это удастся, Вы увидите документ, написанный от руки и непонятный».

Но, говоря я, если пластический хирург взял миллион наличными, купил участок на острове и построил себе виллу, должны быть другие записи – например, разрешения на строительство. «Люди, которые дают разрешения на строительство, не информируют Министерство финансов», – говорит инспектор. В большинстве случаев пойманные неплательщики просто дают взятку налоговому инспектору. Безусловно, против взяточничества есть законы. Но в случае поимки взяточника на судебные разбирательства уйдет лет 7-8, так что в действительности никого это не волнует. Систематическое укрытие населением доходов заставило правительство обратить больше внимания на налоги, которых труднее избегать – налог на недвижимость и налог с продаж. Налог на недвижимость взимается по формуле, исключая вмешательство налоговых инспекторов в расчет и показывающей так называемую

«реальную стоимость» каждого дома. Экономический бум в Греции за последнее десятилетие привел к значительному превышению реальных цен имущества над компьютерными оценками. С учетом более высоких фактических цен на продажу, формула должна была показывать постепенный рост цен.

Но обычно при продаже недвижимости греки не сообщают фактическую цену, а декларируют более низкую цену, которая совпадает с государственной оценкой. Если покупатель взял кредит, чтобы купить дом, он взял кредит на «реальную стоимость» и оплачивает разницу наличными или за счет кредита на черном рынке.

В результате «реальная стоимость» земли занижена до абсурда. Удивительный, но широко известный факт состоит в том, что все 300 членов парламента Греции отчитываются о своем имуществе по компьютерной модели реальной стоимости.

Иными словами, каждый член парламента лжет, чтобы избежать налогов.

Он продолжил описание системы, внешне идеально похожей на налоговую систему развитых стран и позволяющей давать работу большому числу налоговых инспекторов – и при этом фактически позволяющей всему греческому обществу уклоняться от налогов. Когда он встал, чтобы уйти, он обратил мое внимание, что официантка в этом шикарном отеле не принесла нам чек: «Даже этот отель не платит налог с продаж».

Я спустился вниз по улице и нашел второго налогового инспектора, который ждал меня в баре другого отеля. И хотя он был одет в обычную одежду и потягивал пиво, инспектор опасался, что будет замечен со мной. На встречу он пришел с папкой бумаг, полной реальных примеров того, как не рядовые греки, а греческие компании уклоняются от налогов. Он сыпал примерами, подчеркивая, что он говорит только о тех компаниях, с которыми он сталкивался лично.

Первой была афинская строительная компания, построившая семь огромных многоквартирных зданий и продавшая около 1000 кооперативных квартир в самом центре города. Честно подсчитанные налоги должны были составлять около 15 миллионов евро, но компания не заплатила ничего. Ноль. Чтобы избежать уплаты налогов они сделали несколько вещей. Во-первых, они так и не получили юридический статус корпорации, а во-вторых наняли одну из десятков компаний, занимающихся исключительно созданием договоров, покрывающих несуществующие расходы. Ну, а в-третьих, когда наш налоговый инспектор обнаружил эту ситуацию, они предложили ему взятку. Налоговый инспектор поднял шум и передал дело своему начальству, после чего за ним начал следить частный сыщик, а его телефоны стали прослушиваться. В конце концов, дело разрешилось тем, что строительная компания заплатила 2000 евро. «После этого меня сняли с налоговых расследований», – говорит налоговый инспектор, – «потому что у меня хорошо получалось».

Он вернулся к своей огромной папке, набитой налоговыми делами. Перевернул страницу. На каждом листе в толстой папке была история, похожая на только что рассказанную, и он намеревался ознакомить меня со всеми. Я прервал его, когда осознал, что это займет всю ночь. Размах мошенничества, ухищрения и усилия, которые на это тратились, захватывали дух.

В Афинах я несколько раз ощущал новое для меня, как журналиста, чувство – полное отсутствие интереса к шокирующим материалам. Я сидел с кем-то, кто знал внутренние механизмы функционирования греческого правительства: крупным банкиром, налоговым инспектором, заместителем министра финансов, бывшим премьер-

министром. Я доставал свой блокнот и начинал записывать историю за историей, скандал за скандалом. И через двадцать минут я терял интерес. Их было просто слишком много: хватило бы для библиотеки, не то, что для журнальной статьи. Греческое государство не только коррумпировано, но и коррумпирует. Однажды увидев это в действии, вы поймете феномен, который иначе был бы бессмысленным: трудность, с которой греки говорят добрые слова друг о друге. Поодиночке греки прекрасны: веселые, дружелюбные, умные и компанейские. Очень часто, встретившись с греком, я говорил себе: «Какие прекрасные люди!».

Но они сами так друг о друге не думают: труднее всего в Греции услышать, чтобы один грек хвалил другого в его отсутствие. Никакой успех не принимается без подозрения. Каждый уверен, что другой уклоняется от налогов, или дает взятки политикам, или берет взятки сам, или занижает стоимость своей недвижимости. И это всеобщее отсутствие веры друг другу подкрепляет само себя. Эпидемия лжи, мошенничества и воровства делает невозможной любую форму гражданской жизни, а ее разрушение способствует еще большему вранью и мошенничеству. При отсутствии веры друг в друга, они доверяют лишь себе и своим близким.

Структура греческой экономики – коллективистская, но страна и ее дух противоположны коллективизму. В реальности каждый сам по себе. И в эту систему инвесторы вложили сотни миллиардов долларов. Но кредитный бум подтолкнул страну к краю пропасти, к полному моральному разложению.

Дорога вечных мук

Не зная о Ватопедском монастыре ничего, кроме того, что в крайне коррумпированном обществе его считают верхом коррупции, я отправился на север Греции, чтобы посмотреть на монахов, нашедших новые, улучшенные способы работы с греческой экономикой. Монастырь Ватопеди был построен в 10 веке на полуострове протяженностью около 60 км в длину и 10 км в ширину в северо-восточной Греции под названием гора Афон. Сейчас Афон отделен от материка большой оградой, и попасть на него можно только на лодке, что придает полуострову шарм острова. На остров не допускаются женщины и даже самки животных кроме кошек.

Официальная история приписывает запрет желанию церкви чествовать Деву Марию, неофициальная – проблеме монахов, встречающих посетителей женского пола. Запрету тысяча лет.

При виде монастыря у меня перехватило дыхание. Это не здание, а театр: это как если бы кто-то взял один из древних, прекрасных итальянских горных городов и поместил его на пляже. Если вы не знаете, что ожидать на горе Афон, которую Православная Церковь вот уже тысячу лет считает самым святым местом на земле, и которая находилась на протяжении большей части этого времени в тесных отношениях с византийскими императорами – эти места приводят в шок. Там нет ничего скромного, они грандиозные. В старые времена пираты регулярно грабили их, и вы поймете, почему: не грабить их было бы позором для пиратов.

«Греческие газеты называют нас корпорацией...»

Монах встречает меня у главных ворот и вручает мне бланк для заполнения. Часом спустя, я, разместившись в своей удивительно удобной келье, я следую за монахами в церковь. Я зажигаю свечи, я прикладываюсь к иконам... Рекомендую это любому, кто хочет испытать вкус жизни X столетия. Под гигантскими отполированными

позолоченными канделябрами, окруженными блистающими иконами, монахи прославляли Господа, монахи исчезали за перегородками, читали странные заклинания, звенели в колокольчики, размахивали кадилами, оставляющими за собой дым и древний аромат ладана. Каждое сказанное, спетое, произнесенное нараспев слово было на древнегреческом и, казалось, имело самое непосредственное отношение к Иисусу Христу. Эффект дополнялся пышно одичалыми бородами монахов.

Выходя из церкви, я наткнулся на полноватого монаха с проседью в бороде и кожей цвета спелой оливы. Он представился как отец Арсений.

Большую часть 80-х и 90-х годов процентные ставки в Греции были на 10% выше, чем в Германии, поскольку считалось, что одалживать деньги грекам подразумевает значительно больший риск дефолта. В Греции не было потребительского кредитования: у греков не было кредитных карт. Обычно греки не брали ипотечных кредитов. Безусловно, греки хотели бы к себе такого же отношения со стороны финансового рынка, какое можно встретить по отношению к любой нормально функционирующей северо-европейской стране.

И вот в конце 90-х их час настал - они избавились от национальной валюты и приняли евро. Для этого было необходимо соответствовать некоторым требованиям, чтобы доказать, что они способны быть достойными членами Евросоюза, и в конце концов, чтобы страна не наделала долгов, которые придется выплачивать другим участникам Евросоюза. В частности, они должны были показывать бюджетный дефицит, не превышающий 3% ВВП, а инфляцию на уровне Германии. В 2000 году, после некоторых манипуляций со статистикой, Греция достигла цели. Для снижения бюджетного дефицита правительство просто убрало из баланса все расходы (пенсионные, оборонные). Для снижения инфляции правительство заморозило цены на электричество, воду и другие государственные товары, а также снижали налоги на бензин, алкоголь и табак. Греческие специалисты по статистике могли убирать дорожающие томаты из индекса потребительских цен в день, когда измерялась инфляция. «Мы встречались со специалистом, который создавал статистику», - говорит бывший аналитик европейских экономик с Уолл Стрит. «Мы не могли удержаться от смеха. Он объяснял, как убрал из индекса лимоны и заменил их апельсинами. В подсчете индексов использовались все известные и неизвестные бухгалтерские трюки». Уже в то время, некоторые наблюдатели отметили, что цифры греческого баланса никогда не сходились. Аналитик Миранда Ксафа еще в 1998 году продемонстрировала, что если суммировать весь объявленный дефицит греческого бюджета за предыдущие 15 лет, то это составит всего половину греческого долга. Другими словами, суммы, которые греческое правительство брало в долг для того, чтобы финансировать свою деятельность, в два раза превышали объявленный дефицит, что очевидно указывало на то, что реальный дефицит был в два раза больше.

В 2001 году Греция вступила в Европейский валютный союз, сменив драхму на евро, и подкрепив свою задолженность европейской (а это значит немецкой) гарантией. Теперь греки смогли брать в долг под такой же процент, что и немцы – не под 18%, а под 5%. Для того, чтобы остаться в еврозоне, теоретически они должны были поддерживать дефицит бюджета на уровне 3% ВВП, а на практике они просто подгоняли отчетность под эти показатели. В том же 2001 появилась компания «Голдман Сакс», которая занялась выстраиванием внешне законных, но на самом деле цинично открывающим

ворота для мошенников финансовых схем, главной целью которых было скрыть истинный размер задолженности Греции. «Голдман Сакс» помогла Греции получить кредит в 1 млрд. долларов США, и взяла себе за это в качестве вознаграждения 300 млн. долларов.

Схема, которая позволила Греции получить такой кредит, и расковать его по карманам чиновников, была, по существу, та же, что потом наводнила мировой рынок переоцененными ипотечными долговыми обязательствами. То есть, схему, которую «Голдман Сакс» опробовал на Греции, впоследствии использовали, чтобы обвалить всю мировую экономику.

«Голдман Сакс» научил греческое правительство, как получить сегодня ожидаемый доход от будущей деятельности, так называемой секьюритизации. Вот что это значит: предположим, восемнадцатилетний парень начинает работать на заводе. А раз так, то можно статистически предсказать, сколько лет он проработает, и как будет расти его зарплата. Иными словами, можно статистически предсказать его доход за всю жизнь. А это значит что можно, сделав поправку на инфляцию, посчитать сегодняшнюю стоимость всех его зарплат до самой пенсии, и выплатить их все ему сразу. Итак: пришел парень на завод, денек отработал – и пожалуйста, получите три миллиона долларов! Сумма вроде как большая, но ведь теперь ему предстоит работать до пенсии, сорок два года, ни получая не копейки: зарплата за всю оставшуюся жизнь уже выплачена авансом. Не понимая этого, парень идет в бар, потом в казино – и за три дня просаживает все деньги. Было весело! Но как теперь жить? Ведь теперь придется работать до пенсии, не получая даже денег на хлеб!

Так что секьюритизация – очень опасная штука. Причем опасна она как для тех, кто ее берет (парню не на что теперь купить и корочку хлеба!) так и для тех, кто ее дает (без хлеба наш парень загнется – и плакали наши три миллиона!)

Но греческие правительства приходят и уходят, и им секьюритизация очень нравилась: ведь с ней, на короткий промежуток времени, можно чувствовать себя очень успешным и выиграть еще одни выборы. Так греки заложили доходы от будущих (!) национальных лотерей, дорожных пошлин, гонораров от авиаперевозок, и даже гранты, которые они «в будущем получают» от Европейского союза. Любой потенциальный поток будущих денежных поступлений был «продан» за взятку наличными и уже растрачен!

Грекам удалось замаскировать истинное финансовое положение по двум причинам: 1) кредиторы считали, что заем для Греции – хорошая идея, так как он подкреплен гарантиями Евросоюза (то есть, Германии), 2) за пределами Греции никто не обратил особое внимание на эти события, а в самой Греции все молчали, так как все граждане были, по сути, в одной связке и никто не хотел, чтобы обман раскрылся и неожиданная лафа кончилась.

Всё изменилось 4 октября 2009 года, когда сменилось греческое правительство.

Причиной стал скандал, который отправил в отставку премьер-министра **Костаса Карамалиса** и его клику. Все произошло поистине удивительным образом. В конце 2008 из новостей стало известно, что монастырь Ватопеди каким-то образом приобрел не представлявшее никакой ценности озеро и обменял его на намного более ценные земли, принадлежавшие правительству. Как монахи это сделали – не известно, поэтому все предположили, что они дали громадную взятку одному из правительственных

чиновников. И хоть взятки найти не удалось, разразившийся скандал привел к смене правительства.

Скандал с Ватопеди был беспрецедентным по общественному отклику. «Мы никогда не видели таких перемен в умах избирателей, как после разразившегося скандала», – сказал редактор одной из ведущих газет Греции. – «Не будь Ватопеди, Карамалис все еще оставался бы премьер-министром, и все было бы по-прежнему». Миллиардер Дмитрий Контоминас, основатель греческой компании страхования жизни и владелец телеканала, который сделал скандал достоянием общественности, выразился более конкретно: «Георг Папандреу пришел к власти из-за скандала с монахами Ватопеди». После того, как новая партия (якобы социалистическая «Пасок») сменила старую партию (якобы консервативную «Новую Демократию»), она нашла в казне настолько меньшее по сравнению с ожидавшимся количество денег, что решила, что другого выхода, кроме как сказать правду, нет.

Новый премьер-министр объявил, что дефициты бюджетов Греции были крайне занижены, и что потребуется время, чтобы привести точные цифры. Пенсионные фонды, мировые инвестиционные фонды и прочие, скупавшие греческие облигации, которые видели как несколько крупных американских и британских банков обанкротились и понимая хрупкое положение большинства европейских банков, запаниковали. Новые, более высокие процентные ставки, которые Греция вынуждена была платить, сделали из страны, нуждавшейся в крупных займах для ведения своей деятельности, что-то наподобие банкрота.

И вот в страну приехал МВФ, чтобы внимательно изучить финансовую отчетность Греции, и греки теряют тот маленький остаток доверия, на который они могли еще как-то рассчитывать. «Как это возможно, чтобы член еврозоны объявлял о 3% дефицита бюджета, в то время как он составляет 15%?», – спросил старший представитель МВФ. – «Как можно было допустить такое?»

Сегодня вся мировая финансовая система задается вопросом, смогут ли греки выполнять свои финансовые обязательства. Временами кажется, что это сейчас основной вопрос на повестке дня. Потому что если Греция не сможет выплатить долги, то европейские банки-кредиторы обанкротятся, и другие страны, находящиеся на грани банкротства (Португалия, Испания) последуют за Грецией.

Но дело в том, что вопрос об оплате Грецией ее долга – это, на самом деле, вопрос о том, изменит ли Греция своим привычкам, а это произойдет только, если сами греки захотят меняться. Мне уже тысячу раз говорили, что греки ценят «справедливость», и единственное, что их раздражает, это несправедливость. Это, безусловно, не отличает греков от остального человечества: вот только интересно знать, что именно греки считают несправедливым. Явно, что это не коррупция их политической системы и не желание своровать все, что плохо лежит. И уж конечно, это не налоговое мошенничество и не передача чиновникам плотно набитых конвертов. Нет, их раздражают лишь те, кому удалось украсть больше, чем им, используя ту же самую коррумпированную систему. Оркестр, музыка туш: входят монахи.

Среди первых действий нового министра финансов был иск к монастырю Ватопеди с требованием возврата госимущества и покрытия убытков. А в числе первых решений нового парламента была инициация второго расследования по делу Ватопеди, чтобы наконец раскрыть механизм, с помощью которого монахи проворачивали свои дела. В

деле есть один-единственный подозреваемый в сговоре с монахами чиновник: помощник бывшего премьер-министра Джанис Ангелу (у него отобрали паспорт, и заставили внести залог в 400 000 евро).

В обществе, которое претерпело что-то вроде полного нравственного падения, монахи неожиданно стали единственной универсально приемлемой целью нравственного порицания. Каждый грек взбешен по отношению к монахам и их пособникам, хоть никто и не знает точно, что и как они сделали.

Бизнес монахов

Отец Арсений выглядит лет на 60, хотя кто его знает, ведь бороды монахов прибавляют им лет по 20. Он настолько известен, насколько может быть известен монах: все в Афинах знают его. Г-н «Мозг», номер два, финансовый директор операции.

Монах сопровождает меня в обеденную залу и усаживает меня на почетное место, прямо рядом с высшим духовенством. Во главе стола – Настоятель отец Ефраим, подле него – отец Арсений.

Большую часть того, что едят монахи, они выращивают сами. В грубых чашах лежит сырой неразрезанный лук, зеленые бобы, огурцы, помидоры и свекла. В другой чаше лежит хлеб, испеченный монахами из собственноручно выращенной пшеницы. Здесь же стоят кувшин с водой и апельсиновый щербет и медовые соты, недавно вытащенные из какого-то улья, на десерт. Вот, в общем-то, и все. Монахи едят как фотомодели перед работой. Дважды в день четыре дня в неделю, и еще один день три раза. Всего 11 трапез, и все примерно такие. Возникает естественный вопрос: почему некоторые монахи тучные? 90% монахов монастыря, выглядят в полном соответствии с этим режимом питания: кожа да кости. Но горстка монахов, включая двух боссов, имеет телосложение, которое никак не объяснить 11 порциями сырого лука и огурцов, вне зависимости от того, сколько меда в сотах они употребили.

После трапезы монахи возвращаются в церковь, где они и пребывают, говоря нараспев, исполняя песни и воскуривая фимиам до часа ночи. Отец Арсений приглашает меня к себе. Мы проходим в его рабочий кабинет. На столе 2 компьютера, факс и принтер, довершает картину сотовый телефон. Стены и пол сияют как новые. В шкафу ряд за рядом стоят файлы, и единственным указанием на то, что это не современный бизнес офис является одинокая икона на столе.

«Сейчас существует больше, чем духовная жажда», - говорит Арсений в ответ на мой вопрос, как монастырю удалось привлечь столько важных деловых людей и политиков. «20 или 30 лет назад все считали, что наука решит все проблемы.

Существует так много материальных вещей, но они не приносят удовлетворения. Люди устали от материальных удовольствий. И они осознают, что не могут преуспеть, находясь лишь в материальном мире». Рассказывая все это, он берет трубку телефона. Мгновение спустя появляется серебряный поднос с пирожными, стаканами и бутылкой ликера.

Так началась наша трехчасовая беседа. Я задавал простые вопросы: С какой стати кому-то становиться монахом? Как вы обходитесь без женщин? Как люди, которые по 10 часов в день проводят в церкви, находят время, чтобы строить империи недвижимости? Почему у Вас здесь, где все питаются хлебом и луком, вдруг оказался ликер? А он отвечал 20-минутными притчами, в которых видимо и крылся простой ответ. (Например, «Я полагаю, что есть много более прекрасных вещей, чем секс».)

Пока он рассказывал, он размахивал руками, улыбался и смеялся: если отец Арсений чувствовал свою вину в чем-то, у него редкий дар, позволяющий это скрывать. Как и многие люди, приезжающие в Ватопеди, я не был полностью уверен, что же я здесь ищу. Я хотел понять, было ли это прикрытие для чьей-то коммерческой империи и не лукавят ли монахи. Мне было интересно как эта группа странно выглядящих мужчин, вроде как отошедших от материального мира так хорошо наловчились в этом мире жить: каким образом именно эти монахи оказались самыми прожженными греками?

В течение почти двух часов я набирался смелости задать этот вопрос. К моему удивлению, он воспринял мой вопрос серьезно. Отец Арсений указал на надпись на одном из своих шкафов и перевел ее с греческого: «Там, где дурак требует, умный уже все забрал». «Дурак страдает от гордыни», – говорит он. – «Дескать, все должно быть так, как он хочет. То же справедливо в отношении заблуждающегося или ошибающегося человека: он всегда пытается оправдать себя. Человек праведный в духовном отношении скромн. Он принимает то, что другие говорят – критику, идеи – и работает с ними».

Я замечаю теперь, что раскрытые окна балкона выходят на Эгейское море. Монахам не позволяется в нем плавать; почему нельзя, я никогда не спрашивал. Это так похоже на них: сперва построить дом на пляже, а потом запретить пляж. Я также замечаю, что я – единственный, кто ел пирожные и пил ликер. Меня осеняет, что я, должно быть, провалил некий тест на способность удержаться от искушения.

«Все правительство ополчилось на нас», - говорит он, - «только у нас нет ничего. Мы работаем на других. Греческие газеты вызывают нас корпорацией. Но я спрашиваю Вас, какая корпорация имеет историю в 1000 лет?»

В этот момент из ниоткуда появляется отец Ефραίим. Полный, с румяными щеками и белой бородой, он является живым воплощением Санта Клауса с искорками в глазах. За несколько месяцев до нашей встречи он давал свидетельские показания в греческом парламенте, захотевшем узнать, как могло греческое правительство обменять не имеющее цены озеро на ценнейшую коммерческую недвижимость и передать ее отцу Ефραίиму.

«Вы не верите в чудеса?» – спросил отец Ефραίим. «Начинаю верить», – ответил член греческого парламента.

После представлений отец Ефραίим сжимает мою руку и держит ее очень-очень долго.

Мне приходит в голову, что он сейчас спросит, что я хочу в подарок на Рождество.

Вместо этого он спрашивает о моем вероисповедании. «Член епископальной церкви», – вру я. Он кивает, обдумывает: могло быть и хуже. «Женаты?», – спрашивает он. «Да». «Дети есть?» Я киваю, а он думает: Я могу работать с этим. Он спрашивает их имена...

Предыстория скандала

В конце 80-х Ватопеди был в руинах: кучка камней, переполненных крысами. Фрески были черны. За иконами не ухаживали. В монастыре был десяток самостоятельно живших и неорганизованных монахов, бродивших вокруг старинных камней.

Молились они когда кому вздумается: их духовное странствие предполагало автономность.

Все изменилось в начале 1990-х, когда группа напористых молодых греков-киприотов с другой части Афона во главе с отцом Ефραίимом нашла возможность

реставрации сказочного имущества, которым невероятно плохо управляли. Отец Ефраим занялся поиском денег, чтобы восстановить былую славу Ватопеди. Он надоедал культурному фонду Евросоюза. Он общался с богатыми греческими бизнесменами, искавшими искупления грехов. Он культивировал дружбу с влиятельными греческими политиками. Во всем этом он проявлял невероятное нахальство. Например, после того как известная испанская певица посетила Ватопеди и проявила к нему интерес, он встретился с правительством Испании и рассказал им об ужасающей несправедливости XIV века, когда банда каталонских наёмников ограбила Ватопеди и причинила монастырю значительный ущерб. И что? Ватопеди получил 240,000 долларов от испанского правительства! Еще раз, четырнадцатый век – это время Куликовской битвы, время жизни Андрея Рублева – то есть, очень, очень и очень давно. Кстати, как будет «откат» по-гречески, а заодно и по-испански?

Но самым важным достижением отца Ефраима было проведение раскопок вокруг старой башни, где хранились византийские рукописи. Веками византийские императоры и другие руководители страны даровали Ватопеди земли, расположенные, главным образом, в современной Греции и Турции. За годы до приезда Ефраима греческое правительство отобрало большую часть этой собственности, но сохранилось право собственности, датированное XIV веком и подписанное Императором Иоанном V Палеологом на озеро в северной Греции.

К тому времени, когда Ефраим обнаружил в хранилище Ватопеди документ о передаче права собственности на озеро, озеро имело статус государственного заповедника. И вот, в 1998, произошло первое чудо: статус заповедника был снят и сразу после этого монахам предоставили полные права на озеро.

Оказавшись снова в Афинах, я разыскал Питера Дукаса, официального представителя Министерства финансов, к которому сначала обращались монахи из Ватопеди. Дукас оказался в центре двух парламентских расследований, но, как ни странно, он единственный человек в правительстве, готовый открыто говорить о том, что произошло. В отличие от большинства людей в греческом правительстве, Дукас не всегда был чиновником, он сколотил состояние в частном секторе, как в Греции, так и за ее пределами, а затем, в 2004, по приглашению премьер-министра, занял пост в Министерстве финансов. Ему было тогда 52 года, и большую часть своей карьеры он был банкиром в Нью-Йорке. Он оказался высоким блондином с громким голосом, откровенный и веселый.

Именно благодаря Дукасу греческому правительству удалось выпустить и успешно продать свои долгосрочные долговые обязательства. В прошлом, когда процентные ставки были низки, и никто не видел риска в предоставлении ссуды греческому правительству, он уговорил своих начальников выпустить облигации со сроком погашения через 40 и 50 лет. Это теперь заголовки греческих газет кричат: «Дукас заложил будущее наших детей», но дело в том, что в то время это казалось очень хорошим выходом из сложного положения. Долгосрочные облигации, выпущенные на сумму в 18 миллиардов долларов, сейчас продаются по 50 центов на доллар, другими словами, греческое правительство могло бы выкупить свои долговые обязательства на открытом рынке за полцены. «Я создал им прибыль в размере 9 миллиардов долларов», – говорит Дукас, смеясь. – «Они должны дать мне премию!»

Вскоре после того, как Дукас начал работу на новом месте, отец Ефраим и отец

Арсений появились в его офисе в Министерстве финансов. Им принадлежало это озеро, и они хотели, чтобы Министерство финансов заплатило им наличные деньги за него. «Кто-то дал им право собственности на озеро», – говорит Дукас, – «и они хотели обналичить это право». Дукас чувствовал, что перед встречей они проделали громадную работу. «Первое что, они спросили меня, не хотел бы я исповедаться». Вместо исповеди Дукас сказал им, что не даст им денег за озеро, которым монахи завладели неизвестно как. Дукас сказал: «Послушайте, вопреки широко распространенному мнению, в Министерстве финансов нет никаких денег». И они сказали: «Хорошо, если Вы не можете выкупить нашу собственность, почему бы Вам не дать нам какие-то из своих участков земли?».

Отличное предложение: обмен озера, не приносящего прибыли, на правительственную собственность, приносящую значительную прибыль! Но, так или иначе, монахи убедили правительственных чиновников, что земля вокруг озера стоила, намного больше, чем 55 миллионов евро, в которые ее оценил независимый (но, вероятно, хорошо благословленный монахами) оценщик. Поэтому в обмен монахи попросили государственную собственность стоимостью в один миллиард евро.

Дукас отказался давать им любую землю, находящуюся в ведении Министерства финансов. Тогда монахи обратились к с той же просьбой к другому источнику земель – в Министерство сельского хозяйства. Дукас вспоминает: «Я получил звонок от Министра сельского хозяйства, который сказал, что «мы отдаем им свою землю, но этого недостаточно. Почему бы Вам тоже не отдать кусочек Вашей земли?» После того, как Дукас отказался, он получил еще один звонок, на этот раз из канцелярии премьер-министра. И снова он сказал нет. Затем он получил документ, согласно которому он должен передать правительственную землю монахам, а от него требуется только подпись. «Я сказал, что не подпишу, черт вас возьми».

И он не подписал — по крайней мере, не в его первичной форме. Но канцелярия премьер-министра давила на него, монахи, как казалось Дукасу, оказывали влияние на руководителя персонала канцелярии премьер-министра. Этим человеком был и был уже упоминавшийся Джанис Ангелу, который познакомился с монахами за несколько лет до этого, сразу после того как у него нашли смертельно опасную болезнь. Монахи молились за него, и он не умер, а удивительным образом излечился. А не может ли быть, что монахи просто попросили врача поставить ужасный диагноз?

К тому времени Дукас уже считал этих монахов не просто мошенниками, а самыми опытными бизнесменами, с которыми он когда-либо имел дело. В конце концов, под давлением руководства, Дукас подписал два листка бумаги. Первый документ говорил о том, что собственность монахов не может быть оспорена, а второй документ сделал обмен земли возможным. Все это не давало право монахам на земли Министерства финансов, но, соглашаясь принять их озеро в портфель недвижимости Министерства финансов, Дукас дал право на жизнь их сделке с министром сельского хозяйства. В обмен на озеро, монахи получили 73 различных правительственных объекта, включая то, что прежде было гимнастическим центром Олимпийских Игр 2004 года, который, как и большая часть того, что греческое правительство построило для Олимпийских Игр, было теперь пустым и заброшенным. «Вы полагаете, что они - святые люди», – говорит он. – «Возможно, они хотят построить там приют».

Но как оказалось, монахи хотели создать империю коммерческой недвижимости. Они

начали с убеждения греческого правительство сделать то, что оно редко делало: изменить статус большей части некоммерческой недвижимости на коммерческий. Помимо и сверх всех земель, которые попали под процедуру обмена, – согласно более поздней оценке греческого парламента стоимость недвижимости составляла миллиард евро – монахи еще получили 100% финансирование на покупку коммерческих зданий в Афинах и на развитие недвижимости, которую они приобрели. Прежний центр гимнастики Олимпийских Игр должен был стать дорогой частной больницей. Затем, с помощью греческого банкира, монахи создали так называемый Фонд Недвижимости Ватопеди. Предполагалось, что инвесторы фонда выкупят у монахов всю недвижимость, переданную им правительством, а монахи используют эти деньги на реставрацию монастыря.

Из древней жалованной грамоты на ничего не стоящее озеро эти два монаха создали то, что оценивалось в миллиард долларов. А ведь бизнес начался с того, что кроме искупления грехов продавать им было нечего.

Костер цивилизации

Накануне моего отъезда греческий парламент проголосовал за увеличение пенсионного возраста, уменьшение государственной пенсии, иными словами за ухудшение качества жизни служащих госсектора. Премьер-министр Папандреу представил законопроект так же, как он представлял все с момента обнаружения дыры в отчетности, – не как собственную идею, а как ультимативное требование МВФ. Папандреу исходил из того, что сами греки никогда не согласятся чем-то пожертвовать, но могут услышать такой призыв, если он исходит извне. Иными словами, греки более не способны сами управлять своей страной.

Тысячи и тысячи госслужащих вышли на улицы, чтобы опротестовать законопроект. Здесь были все: и сборщики налогов, берущие взятки, и учителя, которые не желают учить, и великолепно зарабатывающие работники обанкротившихся железных дорог, чьи поезда никогда не ходят по расписанию, и работники государственных больниц, которые требуют взятки с больных и крадут лекарства. Это была толпа народу, готовых обвинить любого, кроме самих себя. Работники греческого госсектора собираются в подразделения, которые напоминают армейские взводы. В середине каждой колонны два или три ряда крепких молодых людей с дубинками, плохо замаскированными под древки флагов. Лыжные и марлевые маски свисают у них с поясов. Они нужны им, чтобы продолжать драться с полицией после применения слезоточивого газа.

«Заместитель премьер-министра сказал нам, что ожидает, по меньшей мере, один смертельный случай», – сказал мне греческий министр. – «Они хотят крови». Двумя месяцами ранее, 5 мая, во время одного из первых маршей протеста, толпа уже показала, на что способна. Увидев людей, работавших в отделении банка, молодые люди бросили коктейли Молотова внутрь, разлили и подожгли бензин, отрезав выход. Большая часть работников банка убежала через крышу, но пожар убил 3 работников, включая молодую женщину на 4 месяце беременности. А пока они умирали, греки на улицах кричали, что так им и надо, что это им за то, что они осмелились работать. Происшествие случилось на глазах полиции, однако полицейские никого не арестовали. Во время забастовки, любой работник частного сектора, продолжающий работать, находится в опасности, как не проявляющий солидарности с бастующими. Были дни, когда в Афинах все магазины и рестораны были закрыты – люди боялись

работать.

Увидим ли мы дефолт Греции? Одни утверждают, что выбора нет: сами меры правительства по снижению издержек и увеличению государственных доходов приведут к тому, что остаток продуктивной экономики покинет страну. Налоги ниже в Болгарии, рабочие более стоворчивы в Румынии. Но есть и еще более интересный вопрос: Даже если допустить, что есть возможность выплатить всю задолженность, захотят ли греки жить по средствам, ответственно подходить к своим гражданским обязанностям и возродить свою государственность? На первый взгляд, невыполнение обязательств по своим долгам кажется сумасшествием: все греческие банки немедленно превратятся в банкротов, а страна потеряет какую бы то ни было способность оплачивать столь необходимый импорт (нефть, например). На много лет вперед, Греции придется платить намного более высокие процентные ставки, и это если ей когда-нибудь позволят одалживать снова. Но Греция не поступает как общество, а поступает как сборище атомов, каждый из которых привык следовать собственным интересам за счет общего блага. Не возникает сомнений в том, что правительство намерено, по крайней мере, попробовать воссоздать общественное сознание в Греции. Единственный вопрос в том, может ли оно быть воссоздано после того, как однажды его не стало?